

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Е. С. ДАНИЛОВ

ПРОБЛЕМА *SECURITAS PUBLICA* В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

В статье дан обзор основных исследовательских подходов к проблеме древнеримского восприятия безопасности в имперский период. Выделяются шесть историографических направлений, появившихся за последний век. Первое подразумевает научный поиск в нумизматическом материале. Следующие три направления относятся к таким сферам общественно-духовной жизни, как политика, религия и философия. Их развитие связано с комментированием и интерпретацией в основном нарративных текстов. Последние два направления отражают движение к объединению подходов, расширению источниковой базы, внимание к повседневной жизни квиристов. Отмечена общая тенденция к более широкому использованию историками эпиграфических памятников, а также рассмотрению древнеримского понимания защищенности в контексте развития всей античной цивилизации и поэтапной институционализации концепта «безопасность» от Древности до Новейшего времени.

Ключевые слова: *безопасность, мир, ментальность, античность, историография*

В современном мире всеупотребителен ряд составляющих концепта «безопасность». Часто можно слышать о «национальной» и «общественной» безопасности. Под последней понимается состояние коллективной защищенности от внутренних угроз. Данное представление является плодом античной культуры. Греко-римская цивилизация заложила основы восприятия безопасности как жизненно важной ценности, имеющей философские, политические и религиозные коннотации. Причем, граждане полисов в большей степени мыслили категориями именно общественной, а не личностной безопасности.

Иногда появляющееся в античных источниках выражение *securitas publica* чаще всего переводится как «общественный порядок» или «государственная безопасность», но что включали в это понятие сами римляне – вопрос до сих пор открытый. Сенека Младший видел в *securitas publica* производное от деятельности правителя, благо для людей порядочных и чистосердечных, источник покоя и досуга (Ер. VIII. 73. 2; Clem. I. 13. 1). Тацит, характеризуя принципат Траяна, ставит в один ряд *securitas publica* и *felicitas temporum* (Agr. 3. 1). У Плиния Младшего *securitas* соседствует с такими категориями как: *tutela* (Ер. X. 52), *libertas*, *salus*, *gloria*, *hilaritas*, *gaudium*, *pax*, *concordia*, *ops*, *honor* (Pan. 8, 27, 48, 72, 94). Похожие коннотации наблюдаются у Цицерона (Fin. V. 23, Off. I. 69, 72), Веллея Патеркула (II. 89. 4), Фронтоня (Ер. I. 9. 7; fr. 8).

Как видим, несмотря на общий положительный модус, составляющие безопасного образа жизни античного социума остаются довольно

расплывчатыми. Неудивительно поэтому, что в антиковедческой среде нет единого, чётко сформулированного мнения по данному вопросу.

Представления римских граждан о безопасности рассматриваются антиковедческим сообществом уже почти столетие. В 1921 г. в энциклопедии Паули-Виссова вышла статья Людвиг Хартманна «*Securitas*» [Hartmann 1921]. Автор подчеркнул решающее значение нумизматических источников для реконструкции древней персонификации. Он установил 3 монетных типа и 15 подтипов, изображающих прозопею в различных позах. Позднее отдельные исследователи обращали внимание на тот или иной чеканный подтип. Росселла Пера рассмотрела становление иконографии Секуритас при Нероне [Pera 2012]. Кристоф Ор разобрал особенности изображения Секуритас на монетах времён Каракаллы, на которых чаще всего встречалась надпись «*Securitas Orbis*» [Aug 2009]. Мария Альфёльди обратила внимание на использование Константином Великим монетного типа «*Securitas perpetuae*» [Alföldi 1996]. Карстен Дамен и Питер Илиш сосредоточились на заимствовании христианским императором лозунга «*Securitas Saeculi*» [Dahmen, Ilisch 2006]. Вольфрам Вайзер описал бронзовый чекан позднеримского узурпатора Прокопия (365–366) с легендой «*Securitas Reipublicae*» [Weiser 1977]. Обзорный анализ пропаганды безопасности в нумизматике представлен в статьях Уте Готтшолл и Барбары Заяц. Немецкая исследовательница составила свой каталог, ориентируясь в немалой степени на построения Хартманна, но с более обширными комментариями. Она разграничила вариации двух монетных типов, стоячей и сидячей Секуритас [Gottschall 1997]. Польская коллега указала на то, что иконография Секуритас разнообразна и схожа с изображениями Салюс [Zajac 2014].

Складывается впечатление о значительном преобладании исследований, делающих упор на нумизматические источники. И это действительно так. Лишь относительно недавно эпиграфист Р. Хэнш опубликовал статью об упоминании лозунга *securitas* в инскрипциях [Haensch 2016]. Если в литературе безопасность как ценность пропагандировалась с эпохи Августа, в нумизматике – со времени Нерона, то в официальных надписях – лишь с Коммода. В эпитафиях наша лексема появляется чуть раньше, но не по всей Империи. Хэнш заинтересовался одной сирийской надписью периода Септимия Севера и сделал ряд любопытных наблюдений. Более того, Хэнш составил предварительный каталог эпитафий с упоминанием *securitas*, в который включил 167 наименований.

Вторая группа ученых рассмотрела *securitas* как абстрактную идею, получившую распространение в религиозном культе. Например, Гарольд Экстелл и Йоханнес Ильберг упомянули о Секуритас как покровительнице усопших [Axtell 1907: 40; Ilberg 1915]. Збигнев Херберт рассуждал о том, сколько было богинь безопасности [Herbert 1999]. Существовала ли одна Секуритас для всех граждан или император имел

дополнительно персональную покровительницу? Он склонялся к мысли о том, что Секуритас защищала августа, а через него и всех квиритов. Впрочем, однозначным в его рассуждениях является лишь сожаление о том, что мы не знаем символов, ритуалов, молитв, характерных для культа Секуритас. Карстен Биндер решил, что Секуритас – персонификация, в первую очередь, общественной и политической безопасности [Binder 2001]. Состояние зарубежных исследований по этому во-просу иллюстрирует также оксфордский компэнион под редакцией Йорга Рюпке, соавторы которого повторяют мысли своих предшественников. Джонатан Уильямс делит все персонификации на две категории: одни абстракции относятся к добродетелям правителей, другие – к желаемым качествам или атрибутам государства в целом. *Securitas* причисляется им ко второму типу [Williams 2007: 156]. Питер Герц [Herz 2007: 308] ставит знак равенства между безопасностью императора (*securitas imperatoris*) и благополучием всей империи (*securitas imperii*).

В рамках третьего направления *securitas* предстаёт как философская идея и политический концепт. Хаим Вишубски обратил внимание на связь понятий *securitas* и *libertas*. По мнению автора, в период Империи они стали почти синонимичны. Правда, для высших сословий безопасность жизни и собственности была более идеалом, чем реальностью [Wirszubski 1950: 158-159]. Ханс Ульрих Инстинский коснулся проблемы появления лозунгов «*Securitas Augusti*» и «*Securitas populi Romani*». Несмотря на небольшой объём (издание является расширенным текстом иннаугурационной лекции, прочитанной Инстинским в феврале 1949 г. по случаю его назначения профессором древней истории Майнцкого университета), брошюра Инстинского [Instinsky 1952] может считаться первым монографическим исследованием, где безопасность разбирается как элемент политического порядка. Хронологически изложение начинается с Августа и доводится до Траяна включительно. Впрочем, автор недостаточно внимания уделил Флавиам.

Тони Рикманс, анализируя на основе «Истории Августов» [Reekmans 1979] две составляющие общественного благосостояния (*felicitas publica*) *дивитас* – процветание и безопасность, выводит коннотации, связанные с безопасностью имущества граждан, останавливается на смежных понятиях – *abstinentia* (воздержанность) и *liberalitas* (щедрость); затрагивает вопросы экономической политики, пишет о важности императорского окружения для формирования *bonus imperator*. Автор крайне осторожен, указывая на многочисленные измышления, риторические преувеличения и откровенные нелепости, встречающиеся в таком сложном и неоднозначном памятнике как «*Historia Augusta*».

Альфред Кнеппе исследовал значение состояний тревожности и страха в римской политике первых двух веков нашей эры, а также связь пропаганды безопасности в римском обществе с образом идеального

принцепса. Кнеппе оказался чрезвычайно внимательным к нумизматическим источникам, пытаясь проникнуть в конкретную внутри- и внешнеполитическую ситуацию при том или ином цезаре [Кнеппе 1994].

Весьма популярной является четвертая тема, где *securitas* погружается историками в сферу христианского учения и комментируется в паре с *paх*. Обращает на себя внимание, в частности, статья Джоэла Уайта [White 2013]. Действительно ли сентенция «*paх et securitas*» являлась римским лозунгом? Уайт, рассмотрев 18 литературных и эпиграфических свидетельств, категорично отвечает «нет». Апостол Павел объединил два термина, которые независимо друг от друга использовались в пропаганде, иногда как синонимы. Обычно же, начиная с Эрнста Баммела [Bammel 1960], утверждается, что Саул Тарсянин употребил это якобы устойчивое выражение для критики римской имперской идеологии, обещавшей всем гражданам мир и безопасность (1 Фес. 5:3). Проповедник призывал фессалоникийцев не обольщаться и не впадать в самодовольную уверенность. Несмотря на убедительную аргументацию Уайта, некоторые историки упорно продолжают видеть в отрывке из Нового Завета тщательно продуманную «мессианскую критику» тех, кто наивно верит в незыблемое благополучие Римской империи. Дэниел Йенсич, в свою очередь, считает, что Павел писал в апокалиптическом ключе, видит в упомянутом пассаже эсхатологическое пророчество, но не исключает и социального подтекста. Мир и безопасность в послании фигурируют как отдельные, но дополняющие друг друга части римского политического дискурса [Yencich 2015].

Пятый ракурс подразумевает рассмотрение *securitas* в утилитарном смысле, как результат каких-либо конкретных действий квиритов или функционирования определенных институтов.

Ренат Лафер задался вопросом: являлась ли безопасность реальностью в условиях разгула бандитизма в римском обществе? В Италии и почти во всех провинциях наличие разбойничьих шаек было обыденным явлением. Уровень преступности напрямую зависел от тех экономических и социальных проблем, с которыми сталкивались добропорядочные граждане. *Latrones*, совершавшие дерзкие нападения, всегда представлялись как враги, угрожающие безопасности государства. Чрезмерная пропаганда *securitas*, по мнению Лафера, в действительности доказывает отсутствие стабильности [Lafer 2001]. Впрочем, аргументация австрийского коллеги строится в основном на материале поздней Античности, что делает его выводы неоправданно обобщающими. Ходу мыслей Лафера близка точка зрения Рады Варга и Аннамарии-Изабеллы Пазсинт, построенная на анализе эпитафий с территории европейских провинций Империи [Varga, Pázsint 2018]. Румынские эпиграфистки осуществили проблемную выборку свидетельств о насильственных смертях, не связанных с ведением военных действий (32 надписи). Име-

на с изученных надгробных памятников принадлежали людям, убитым в ходе разбойных нападений. Ряд трагических примеров показал, что отсутствие безопасности на городских и сельских дорогах было частью повседневной жизни современников принципата. Сама же проблема преступности, особенно пиратства, оказалась политизирована, чтобы обеспечить легитимность агрессии Рима и показать его борцом с беззаконием. Другой важной деталью стал вывод о преобладании западной латинской эпиграфики над греческой. Насколько этот факт соотносится с реальным уровнем безопасности в разных провинциях, неизвестно. В целом, инскрипции, описывающие личные потери, предлагают нам другой тип понимания римского общества. Они являются прямым намёком на опасность, преследующие подданных императоров каждый день.

Седрик Брелаз написал о том, как поддерживалась общественная безопасность Малой Азии, как функционировали муниципальные и имперские учреждения на римском Востоке [Brélaz 2005]. В пяти главах последовательно рассматриваются усилия центральной власти по пропаганде *Pax Romana*; факторы небезопасности (разбой, восстания, бунты, варварские вторжения); полицейские полномочия наместников, муниципальных магистратов и их подчиненных (ириархи, парафилаки, диогмиты, хорофилаки, мастифоры); военное присутствие римлян в Анатолии (*stationarii, regionarii, frumentarii*).

Обращает на себя внимание сборник статей под редакцией С. Бре-лаза и его наставника Пьера Дюкри. Тема, объединившая семерых исследователей, звучит следующим образом: коллективная безопасность и общественный порядок в древних социумах. Оставив в стороне три разновременных очерка об эллинской ойкумене, обратимся непосредственно к *orbis romanus*. В статье С. Бре-лаза «Прощание с оружием. Оборона греческого города в умиротворенной Римской империи» идёт поиск следов греческой военной культуры в условиях потери независимости [Brélaz 2008]. Швейцарский учёный обнаруживает признаки выживания указанной культуры в увлечении гладиаторскими играми, сохранении у отдельных полисов фортификационных сооружений, воспитании эфэбов, борьбе с бандитизмом. Эндрю Линтотт подчеркивает важность применения насилия для обеспечения безопасности отдельных лиц и групп, составляющих римское общество республиканского времени [Lintott 2008]. Рамсей МакМаллен обсуждает проблему монотеистического фанатизма, т.е. иррациональной преданности религиозной вере. Через эту призму анализируются еврейские восстания против римлян и конфликты в христианских общинах [MacMullen 2008]. Ян Ривьер в качестве мер безопасности представляет *aquae et ignis interdictio* (отлучение от воды и огня), постепенно вышедшее из употребления, и *relegatio* (изгнание), в частности, автор рисует географию ссылок в первые века Империи (острова, куда направлялись осуждённые) [Rivière 2008].

Правовед Энрико Сильверьо изучил практические механизмы поддержания безопасности в Римском государстве от основания Города до Юстиниана Великого [Silverio 2015]. Первая глава его книги посвящена формам саморегуляции *цивitas* в царский и раннереспубликанский периоды за счёт влияния *patres familias*, клиентских связей, а также деятельности *quaestores parricidii* и *duumviri perduellionis*. Главы 2 и 3 охватывают времена средней и поздней Республики. В них конкретизируется значимость системы магистратур для защиты аристократов и плебеев. Глава 4 иллюстрирует как кризис в Республике изменял старую структуру безопасности. Затрагиваются проблемы применения *senatus consultum ultimum*, борьбы с пиратством, создания отдельными политиками личных охранных служб. Пятая глава касается новых формирований принципата: *cohortes urbanae*, *vigiles*, *praetoriani*. Главы с шестой по девятую включительно описывают эпоху Домината и ранневизантийский период. Разбирается функционирование правоохранительных органов в столицах и провинциях, полномочия наместников в сфере поддержания общественного порядка, влияние на государственную безопасность военных и экономических кризисов в условиях урезания муниципальной автономии и прогрессирующей централизации.

Сесилия Риччи признала, что понятие «общественная безопасность» во многом является современным продуктом национальных государств, однако, поскольку принципсы официально взяли на себя роль гарантов мира и безопасности, важно понять, как и почему этот план был придуман и реализован [Ricci 2018]. Период, который принимается Риччи во внимание, охватывает время от Юлиев-Клавдиев до Северов. Правда, территориально исследование представлено только Римом и Италией. Профессор университета Молизе подробно рассматривает военный эскорт носителей императорской власти; гражданский персонал, отвечающий за защищенность жителей городов; полицейские службы.

Наконец, античная *securitas* воспринимается как часть всемирного культурного наследия, эволюционный этап в представлениях человечества о собственной защищенности. Диссертация Андреа Шримм-Хайнса раскрывает историю и изменение значения терминов *certitudo* (уверенность) и *securitas*¹. Фредерик Арендс начинает свой очерк с Гомера, заканчивает Т. Гоббсом. Греческие корни концепта «безопасность» он прослеживает, в первую очередь, в труде Фукидида. Ищет связи *securitas* с асфалеей, эпикурейской атараксией и стоической апатией. Арендс обращает внимание на отрицательные значения *securitas* (небрежность, беспечность, безрассудство, безразличие, легкомыслие), приводя при-

---

¹ Изложение доводится до XVII в. Античному этапу истории *securitas* отведено 10 страниц: беглый обзор философских, политических и юридических коннотаций от Цицерона до Августина Блаженного. – Schrimm-Heins 1990, s. 13-22.

мер, в частности, из Квинтилиана. В его тексте имеются также традиционные отсылки к Сенеке и Тациту при описании политизации рассматриваемой лексемы. Вслед за Шримм-Хайнсом Арендс говорит о постепенном замещении в христианстве между IV и VII вв. *securitas* на *certitudo* [Arends 2008]. Джон Гамильтон исследует семантическую неопределенность безопасности в широкой исторической перспективе [Hamilton 2013], но структура его книги довольно расплывчата. Автор любит оперировать образами и смыслами, которые в той или иной степени ассоциируются с безопасным существованием: стойкость духа, материнская забота и т.п. Заметное место в работе Гамильтона занимает поиск греческих аналогов *securitas*. Кроме тех, что были упомянуты Арендсом, внимание уделяется акедии и демокритовой эвтюмии. Некоторый интерес могут представлять параграфы о море как источнике беспокойства в греко-римской культуре и о цicerоновской этике. Гамильтон менее всего склонен разрабатывать политологическую сторону вопроса, но его наработки ценны для понимания *securitas publica*.

Книга Бориса Кршева – научно-популярное издание, посвященное безопасности как общественному делу, значение которого было осознано самыми первыми человеческими коллективами ещё в первобытную эру [Křšev 2017]. В государственных образованиях Древнего мира возникают инструменты социального регулирования и защиты правящих классов в виде законодательных актов и специальных органов власти. Кршев пытается выделить в истории каждого описываемого народа ключевые события, способствующие укреплению или, напротив, ослаблению безопасности. К положительным событиям историк, останавливаясь на римском опыте, относит реформы Сервия Туллия, появление законов XII таблиц, становление принципата, строительство лимеса. Из должностных лиц он вспоминает магистратов, преторианцев, подчиненных префекта города, фрументариев, *agentes in rebus*.

Итак, нами были выявлены шесть взаимосвязанных историографических направлений, развивавшихся в период 1907–2018 гг. Первое направление подразумевает пристальное внимание к нумизматическому материалу, как наиболее репрезентативному. Можно сказать, что оно одно из самых представительных по числу обращавшихся к проблеме специалистов. Следующие три направления относятся к таким сферам общественно-духовной жизни, как политика, религия и философия. Их развитие связано с комментированием и интерпретацией в основном нарративных текстов. Естественно, данное деление во многом условно, так как специфика римской религиозности состояла в её неразрывной связи с политическими, экономическими и социальными отношениями. Последние два направления отражают движение к объединению подходов, расширению источниковой базы. В некоторых работах явственно внимание к повседневным сторонам жизни членов

античных социумов, ментальности, коллективной психологии. Пока ещё недостаточно полно, но всё же проявляется тенденция к более широкому использованию историками эпиграфических памятников, а также рассмотрению древнеримского понимания защищённости в контексте развития всей античной цивилизации и поэтапной институционализации концепта «безопасность» от Древности до Новейшего времени. Кроме того, отметим вклад немецкоязычных авторов, которые проявили себя по крайней мере в четырёх вышеотмеченных направлениях. Несомненно также превалирование интереса со стороны европейских учёных. Достижения американских коллег менее заметны.

В зарубежной литературе преобладает мнение о том, что культ Секуритас имел чисто политизированный характер. Безопасность как общественное благо увязывалась со стабильным правлением и преемственностью императорской власти. Доктрина *securitas publica* в качестве пропагандистского комплекса воззрений актуализировалась в кризисные для Римского государства периоды.

На наш взгляд, самого пристального внимания заслуживают следующие аспекты рассматриваемой проблемы. Их изучение будет полезно для составления целостной картины.

1. Отражение лексем *ασφάλεια* / *securitas* в папирусных текстах и эпиграфике. Введение в оборот недостающих источников, вероятно, поставит новые вопросы перед исследователями. Пока что можно констатировать явную необходимость расширения каталога Хэнша и тщательной проработки папирологических баз данных.

2. Место *dea Securitas* в иерархии римских богов. Насколько обожествленные понятия были инкорпорированы в систему архаических культов? Существовали ли ситуации, когда персонификации почитались как условно равные старым *divi*? Как следует воспринимать совместные изображения или упоминания нескольких богов с предполагаемо разными статусами?

3. Связь Секуритас с культом божественных Манов. Частный аспект предыдущих тем можно выделить в отдельный вопрос. Стоит ли считать распространение эпитафий «*Dis Manibus et perpetua securitati*» и «*Dis Manibus et aeternae securitati*» свидетельством теологической близости персонифицированной Безопасности к духам умерших предков?

4. Составляющие «экономической безопасности» *civitas*. Считали ли римляне заботу о наличии стратегических ресурсов, борьбу с коррупцией, сохранение уровня и качества жизни квиритов, очевидными мероприятиями одного порядка?

При поиске ответов на эти и другие потенциальные вопросы, безусловно, стоит остерегаться излишней модернизации и обобщения изучаемых процессов и явлений.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Alföldi M.R. *Securitas perpetua(e): Rückgriff zur constantinischen Zeit auf einen seltsamen Münztyp des Commodus // Χαρακτήρ: αφιέρωμα στη Μάντω Οικονομίδου*. Αθήνα: Υπουργείο Πολιτισμού / Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 1996. P. 35-40.
- Arends J. F. M. *From Homer to Hobbes and Beyond - Aspects of 'Security' in the European Tradition // Globalization and Environmental Challenges. Reconceptualizing Security in the 21st Century / H.G. Brauch et al. (eds.)*. Berlin, Heidelberg, New York: Springer Verlag, 2008. P. 263-277.
- Aug C. *Types et variantes avec représentation de Securitas au revers pour Caracalla en 199 // Revista Numismática OMNI*. 2009. № 1. P. 1-5.
- Axtell H.L. *The deification of abstract ideas in Roman literature and inscriptions*. Chicago: Chicago University Press, 1907. 98 p.
- Bammel E. *Ein Beitrag zur paulinischen Staatsanschauung // Theologische Literaturzeitung*. 1960. № 85. S. 837-40.
- Binder C. *Securitas // Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike*. Bd 11 / H. Cancik, H. Schneider (Hg.). Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 2001. Sp. 317.
- Brélaz C. *La sécurité publique en Asie Mineure sous le Principat (I–IIIe s. ap. J.-C.)*. Institutions municipales et institutions impériales dans l'Orient romain. Basel: Schwabe, 2005. 530 p.
- Brélaz C. *L'adieu aux armes. La défense de la cité grecque dans l'empire romain pacifié // Sécurité collective et ordre public dans les sociétés anciennes. Sept exposés suivis de discussions / C. Brélaz et P. Ducrey (éds.)*. Genève: Droz, 2008. P. 155-204.
- Dahmen K., Ilisch P. *Securitas Saeculi – a New Revival of a Probus reverse-type in the Gold Coinage of Constantine I // Numismatic Chronicle*. Vol. 166. 2006. P. 229-231.
- Gottschall U.W. *Securitas // Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Bd. VIII / H.C. Ackermann, J.-R. Gisler (Hg.). Zürich, München: Artemis & Winkler, 1997. Sp. 1090–1093.
- Haensch R. *Safety first? CIL III, 128 et la rhétorique de la securitas // Syria*. 2016. T. 93. P. 29-44.
- Hamilton J.T. *Security: Politics, Humanity, and the Philology of Care*. Princeton, N.J., Oxford: Princeton University Press, 2013. 322 p.
- Hartmann L.M. *Securitas // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Hb. 3. Rh. 2 / W. Kroll, K. Witte (Hg.). Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 1921. Sp. 1000–1003.
- Herbert Z. *Securitas // Parnassus: Poetry in Review*. 1999. Vol. 24. Issue 1. P. 188-191.
- Herz P. *Emperors: Caring for the Empire and Their Successors // A companion to Roman religion / J. Rüpke (ed.)*. Oxford, Malden MA.: Blackwell Publishing, 2007. P. 304-316.
- Ilberg J. *Securitas // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*. Bd. IV / H.W. Roscher (Hg.). Leipzig: B.G. Teubner Verlag, 1915. S. 595-597.
- Instinsky H.U. *Sicherheit als politisches Problem des römischen Kaisertums*. Baden-Baden: Verlag für Kunst und Wissenschaft, 1952. 46 s.
- Knepe A. *Metus temporum: zur Bedeutung von Angst in Politik und Gesellschaft der römischen Kaiserzeit des 1. und 2. Jhdts. n. Chr.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994. 410 s.
- Kršev B. *Securitas res publica: kratka istorija bezbednosti*. Novi: Sad Prometej, 2017. 394 s.
- Lafer R. *Securitas hominibus: Literarische Fiktion oder Realität? Die Bekämpfung von Räubern und Dieben im Imperium Romanum // Carinthia romana und die römische Welt. Festschrift für Gernot Piccottini zum 60. Geburtstag / F.W. Leitner (Hg.)*. Klagenfurt: Verlag des Geschichtsvereines für Kärnten, 2001. S. 125-134.
- Lintott A. *How high priority did public order and public security have under the Republic? // Sécurité collective et ordre public dans les sociétés anciennes. Sept exposés suivis de discussions / C. Brélaz et P. Ducrey (éds.)*. Genève: Droz, 2008. P. 205-226.
- MacMullen R. *The problem of fanaticism // Sécurité collective et ordre public dans les sociétés anciennes. Sept exposés suivis de discussions / C. Brélaz et P. Ducrey (éds.)*. Genève: Droz, 2008. P. 227-260.
- Pera R. *In trono, a destra: nota iconografica su Securitas nelle emissioni neroniane // Il significato delle immagini: numismatica, arte, filologia, storia (Atti del secondo incontro internazionale di studio del Lexicon Iconographicum Numismaticae, Genova, 10-12 November 2005) / R. Pera (a cura di)*. Roma: Giorgio Bretschneider, 2012. P. 345-364.

- Reekmans T. Prosperity and security in the Historia Augusta // *Ancient society*. 1979. № 10. P. 239-270.
- Ricci C. Security in Roman Times. Rome, Italy and the Emperors. London, New York: Routledge, 2018. 300 p.
- Rivière Y. L'Italie, les îles et le continent: recherches sur l'exil et l'administration du territoire impérial (Ier-IIIe siècles) // *Sécurité collective et ordre public dans les sociétés anciennes. Sept exposés suivis de discussions / C. Brélaz et P. Ducrey (éds.)*. Genève: Droz, 2008. P. 261-310.
- Silverio E. Securitas. La sicurezza in Roma antica tra giurisdizione e amministrazione. Roma: L'Erma Di Bretschneider, 2015. 592 p.
- Schrimm-Heins A. Gewiftheit und Sicherheit. Geschichte und Bedeutungswandel der Begriffe certitudo und securitas. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie an der Kulturwissenschaftlichen Fakultät. Bayreuth: Universität Bayreuth, 1990. 265 s.
- Varga R., Pázsint A.-I. The reflection of personal and collective tragedies in ancient sources. 1. Personal tragedies in Roman epigraphy // *Journal of Ancient History and Archaeology*. № 5.4. 2018. P. 22-31.
- Weiser W. Securitas Reipublicae. Eine neue Bronze des Usurpators Procopius // *Money Trend*. Vol. 9. № 10. 1977. S. 8-12.
- White J.R. Peace and Security' (1 Thessalonians 5.3): Is It Really a Roman Slogan? // *New Testament Studies*. Vol. 59. 2013. P. 382-395.
- Williams J. Religion and Roman Coins // *A companion to Roman religion / J. Rüpke (ed.)*. Oxford, Malden MA.: Blackwell Publishing, 2007. P. 143-163.
- Wirszubski Ch. Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambridge: Cambridge University Press, 1950. 182 p.
- Yencich D.M. Peace, Security, and Labor Pains in 1 Thessalonians 5.3 // *Leaven*. 2015. Vol. 23. Iss. 1. Article 8. P. 37-42.
- Zajac B. Securitas Rei Publicae. Aspekty polityki bezpieczeństwa państwa w mennictwie Cesarstwa Rzymskiego // *Przegląd Bezpieczeństwa Wewnętrznego*. 2014. T. 6. № 2. P. 37-42.

Данилов Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова; *explorator@list.ru*

Problem of *securitas publica* in foreign historiography

This article presents a review of main research approaches to the perception of security in the Imperial Rome. The author distinguishes six historiographic trends that appeared over the last century. The first trend implies the scientific search in numismatic material. The next three trends belong to such areas as policy, religion and philosophy. Their development is related to commenting and interpretation of mainly narrative texts. The last two trends reflect the move towards the combination of approaches, expansion of source base, attention to everyday life of ancient Romans. There is also a general tendency to the wider use of epigraphics and to consideration of the ancient Roman understanding of security in the context of development of the Classical Civilization as a whole and the stepwise institutionalization of the security concept from antiquity to contemporary times.

Keywords: security, peace, mentality, classical antiquity, historiography

Evgeny Danilov, PhD in History, Associate Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University; *explorator@list.ru*